

ЧИТАТЕЛЬ
ПРОДОЛЖАЕТ
РАЗГОВОР

РАВНОДУШИЕ — ВРАГ ТВОРЧЕСТВА

Обсуждаем творческие судьбы Русского драматического театра имени Крупской

УВАЖАТЬ ЗРИТЕЛЯ

Статья Д. Кочнева «Равнодушие — враг творчества» кажется мне весьма своевременной, хотя не в чем и спорной. Хорошо, что газета пригласила зрителей и читателей высказаться по поводу вопросов, затронутых в этой статье.

Совершенно верно, что равнодушие является врагом творчества. Кстати, оно характерно во Фрунзе не только для Русского драматического театра, но и для нашего театра оперы и балета. Однако я рассматриваю это равнодушие в несколько ином плане. Дело в том, что есть и непосредственное равнодушие театра к зрителю. Оно выражается в безразличии к его мнению; что бы ни сказал зритель, равнодушный театр мнит себя выше его.

Пренебрежение мнением зрителя — это наиболее острая, наиболее опасная форма театрального равнодушия, ибо она основана на самодовольности и высокомерии. В таком случае мнение зрителя интересует театр в чисто кассовом плане (недавно в «Известиях» В. Сухарев писал, какие уродливые формы может принимать распространение билетов). Так что связь между кассой и любовью к театру не так проста, как кажется на первый взгляд.

Разве может театр жить без зрительских конференций, без информирования зрителей о своих творческих замыслах, без обсуждения успехов, удач и просчетов? Но какой из наших театров проводит такие конференции? Больше того, руководители работников театра оперы и балета утверждают, что такие конференции вообще не нужны. Как хорошо было бы обсудить на таких конференциях вопросы репертуара, выяснить, например, почему Русский драматический театр игнорирует драматургию Брехта, почему театр оперы и балета не хочет ставить «Дон Кихота», о котором «Театральная жизнь» недавно писала, как о «любимом зрительском балете»? А разве не был бы полезен разговор о расширении

жанровых рамок работы оперного театра?

Мне уже приходилось писать на страницах «Советской Киргизии» о желательности появления на нашей сцене музыкальной комедии. Что же ответило руководство театра? Что это... «чрезвычайно вредно повлияло бы на осуществление нашей основной задачи — пропаганды классической, советской и национальной оперы, неправильно ориентировало бы (?) нашего зрителя».

Чтобы не быть голословным относительно равнодушия Русского театра драмы, приведу следующий пример. В прошлом сезоне театр поставил пьесу «Чемодан с наклейками», для которого было изготовлено специальное занавес с орфографическими ошибками. Мы поинтересовались в театр, но нам ответили, что это пустяки, не стоящие внимания, хотя в театр ходят школьные дети, студенты и вообще грамотные люди. Написали театру письмо. Нас поблагодарили и... оставили все по-старому. И только когда мы

обратились в «Советскую Киргизию», а редакция в Министерство культуры Киргизской ССР, ошибки были исправлены.

Мы уже давно просим, чтобы театры имели не зазывающие щиты, а информирующие о составе исполнителей афиши, ибо даже в кассах и от администраторов нельзя добиться этих сведений. Но афиш нет. А зритель не хочет покупать kota в мешке — он хочет знать, с кем ему предстоит общаться. Все это — равнодушие к зрителю.

«Зрители-то все равно придут на спектакль», пишет т. Кочнев. Как сказать? Когда придут, а когда и не придут. Посетите некоторые оперные спектакли — и вы увидите, что не всякий зритель ходит в театр по принципу «все равно». Что же касается драмы и комедии, то они более доступны широким массам, чем опера и балет. Поэтому причиной хорошей посещаемости спектаклей этого жанра является то, что у нас обра-

зовался «зрелищный вакуум» — больше пойти некуда. Этим же объясняется и то, что любой халтурный ансамбль, приезжающий в филармонию, делает аншлаги.

Абсолютно права зритель тов. С. Аристова, отметившая в своей заметке в «Советской Киргизии» от 18 октября 1963 г. что в новой постановке театра «Бешеные деньги» Чебоксаровым (матери и дочери) недостает светскости. С этой трудностью столкнулся даже в свое время и Прудкин, когда он начал играть Вроиского, и не глумился, а во МХАТе. Но Прудкин внимательно прислушался к голосу критики и довел роль до нужного уровня. Вряд ли наш театр побеспокоится на этот счет: ведь это заметил не профессиональный критик, а зритель. Тем более, театр не будет переписывать декорации (оцененные С. Аристовой, как недостаточно изысканные), если уж для того, чтобы на занавесе поправить две буквы, понадобилось вмешательство министерства.

Г. ФРЕНКЕЛЬ,
член-корреспондент Академии наук Киргизской ССР.

ПОЖЕЛАНИЯ ЛЮБИМОМУ ТЕАТРУ

По вечерам фрунзенцы спешат в Русский драмтеатр имени Крупской. Одни хотят отдохнуть, развлечься. Другие потому, что «ходить в театр — это хороший тон». Третьи — хотят вновь увидеть на сцене любимого артиста. Но для большинства зрителей сходить в театр — это значит лучше узнать жизнь, обогатиться духовно, насладиться искусством актеров.

Вот «Чемодан с наклейками» Д. Угрюмова. Театр заострил внимание зрителей на эле мещанства, заставил задуматься кое-кого из молодежи над тем, не слишком ли они увлечены мишурой «цивилизации». Зритель вместе с артистами смеется над Муштаковыми (арт. Н. Крючичин и А. Барклавская), тетей Симой (арт. А. Зарицкая), сочувствует любящей паре — Ларисе (арт. К. Козменко) и Юрию (арт. А. Александин).

Спектакль «Чемодан с наклейками» поставлен режиссером В. Шахраем в жанре легкой сатирической комедии, а временами — даже водевиля. Он привлекает своим задором, легкой и непринужденной игрой молодых исполнителей.

И все-таки... Радуюсь искусству режиссера, художников, старых и молодых актеров, невольно задумываешься. Ну, хорошо, спектакль учит распознавать мещанство, бороться с ним. Но не слишком ли низко идейно художественный полет наших пьес? Так ли уж важна и нужна она нам сейчас, тем более, что с драматургической стороны пьесы Угрюмова оставляют желать лучшего. Не слишком ли театр всеяден? Конечно, репертуар в нынешнем сезоне разнообразен. Есть и классика, есть и пьесы современных авторов, и инсценировки произведений М. Шолохова и Д. Гранина. Но пусть через весь репертуар проходит невидимый ниткой какалыбод одна мысль, одна тенденция. Пусть театр будет активнее, гражданственнее, что ли...

Чтобы зритель приходил в театр учиться борьбе за идеалы коммунизма, любви к делу своего народа,

своей партии, пусть поменьше будет таких спектаклей, как «Чемодан с наклейками». «Разбуженная совесть», и побольше таких, как «Кремлевские куранты», «Барабанщица», «Имени революции». И будем надеяться, «Огненный мост», «Оптимистическая трагедия». Зритель соскучился по революционной романтике, по героическому.

Хорошо, что театр верен классикам. Но и тут за ним есть немало долгов. Давно уже не идут на сцену театра имени Крупской пьесы Пушкина, Л. Толстого, Чехова, произведения Гоголя, Грибоедова. А пьесы В. Шю и Б. Брехта? Ведь все это — величайшая школа для актера.

Актерское мастерство в театре страдает существенными недостатками: слабая разработанность чувства ритма и как следствие — монотонность в игре, модуляционная бедность речи. Для молодых актеров, кроме того, характерна скованность тела. Кое у кого из «старых» актеров временами глухо и безжизненно звучит голос, трафаретная мимика. И что совсем уж нетерпимо — кое-кто из артистов позволяет себе играть «на публику», выделяясь из общего актерского ансамбля.

В заключение — еще одно пожелание. Пусть театр имени Крупской почаще устраивает встречи с творческой интеллигенцией, с рабочей и студенческой молодежью. Одно время театр приглашал на свои премьеры молодежь, но потом это нужное и полезное дело заглохло. А ведь хорошо было бы устроить премьеры (или просто рядовых спектаклей), раздать вопросы молодой аудитории, чтобы они написали, что им понравилось в спектакле, а что — нет.

Ставлю точку и думаю с огорчением: когда еще состоится такой разговор о любимом театре? Ведь «Советская Киргизия» очень скупое оспосавет работу театров. Может быть, она начнет разговор и об оперном театре?

О. АРТЮХОВ,
педагог.

РАЗВЕ ЭТО ИСКУССТВО?

С нетерпением ждала я начала комедии Д. Флетчера «Испанский священник», поставленной театром имени Н. К. Крупской. Чем на этот раз порадует зрителя творческий коллектив нашего республиканского театра?

Довольно правдиво и ярко поставлена первая картина первого действия. Хорошо ведут свои роли трое молодых повес, один из которых замысловат по виду, ученика проникнувший в дом стряпчего и обмануть его молодую жену. Подкупает своей непосредственностью мальчик — незаконный сын богатого испанца (артистка Н. Ильченко).

Но вот картина резко меняется. На сцену выходит главный герой комедии — испанский священник Лопес (арт. Э. Праг). С этого момента вся постановка получает

другую окраску, впечатление меняется, и зритель с чувством досады видит, как комедия все больше приобретает балаганный характер. Вместо реальной фигуры лукавого и расчетливого священника, мелькающей чрезмерно утрированной, отдуленной пыльца с пошловатыми ужимками, артист Э. Праг обнаруживает явную неспособность создавать убедительный образ испанского священника полнотой художественными средствами. Он обивается на приемы дешевой клоунады. Священнику то и дело задирает свою сутану, выставляя на показ жирные ноги, филариничает.

Не убедительны и мало смешны многие сцены. Вот, к примеру, к священнику и его лакейскому другу — пономарю (его хорошо играет артист Л. Ясиновский) приходят два молодых испанца и пред-

лагают устроить злую шутку над стряпчим. Сцена сильно отдаст балаганом.

Впечатление погоня за легким успехом, расчета на невысказательного зрителя остается до конца спектакля. Удачные декорации, роскошная игра отдельных артистов не восполняют серьезных недостатков произведения (на мой взгляд, есть много классических комедий лучше, чем «Испанский священник»), а вульгарная игра в одной из главных ролей Э. Прага еще более подчеркивает их.

Надо пожелать постановщику спектакля, главному режиссеру театра т. Иванову и всему театральному коллективу быть более требовательными и к репертуару, и к мастерству актеров.

Л. БАСИЛЦЕВА.